Калининградская рабочая группа "93 in 39"
Клуб поэзии и авторской песни "Аделаида"
и Братство по Воде (Альтеры Лалангамены)

представляют

Литературный альманах Народа Звезды

Вып. 39. Рада ("Рада и Терновник")

(проза)
Ральф
Ренат Муртаев
Родион Кравкль
Роман Фортэ
Ромка
Руся
Салливан
Самурай

Литературный альманах Народа Звезды

ЛАЛАНГАМЕНА

Вып. 39.

Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.

Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала и указания электронного адреса журнала (http://apokrif93.a-z-o-t.com).

Copyleft:

🄯 Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
🄯 Братство по Воде, 2002-2006;
🄯 Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2014;

а также авторы журнала:

Рада («Рада и Терновник»)
(проза)
Ральф
Ренат Муртаев
Родион Кравкль
Роман Фортэ
Ромка
Руся
Салливан
Самурай

Algidus
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
http://alther.narod.ru
http://apokrif93.a-z-o-t.com
E-mail: 93in39@gmail.com

Рада
(«Рада и Терновник»)
(проза)

Дриада

Маленькая дриада проснулась оттого, что её дерево сотрясалось и в ветвях его выл ветер. Она испугалась и вжалась в самую сердцевину дупла. Дупло было очень глубоким и уходило внутрь дерева. Потом дерево стало раскачиваться и завертелось. Дриада не понимала, что происходит, но выглядывать наружу боялась, утешая себя тем, что скоро ураган пройдёт и можно будет безбоязненно посмотреть, что же случилось на самом деле. Дерево завертелось сильнее, потом ещё сильнее, и она уже не понимала, то ли и правда её несёт куда-то ураганом, то ли ветер с такой силой кружится вихрем вокруг ствола, что ей всего лишь кажется, что её дом несётся по воздуху в самой середине смерча.

Потом голова закружилась, и она почувствовала, что очень быстро падает глубоко-глубоко. Дриада не успела испугаться и потеряла сознание. Очнулась она в полнейшей темноте и тишине. Тишина была непривычной — слишком тихой. Дриада подняла голову, медленно вскарабкалась, цепляясь тончайшими пальчиками, к отверстию дупла и осторожно выглянула наружу. Перед нею были звёзды — совсем крохотные звёзды. Ещё было чёрное небо и больше ничего. Ни земли, ни деревьев, ни цветов, ни зверей.

Дерево висело в чёрном небе, от его корней бесшумно отделялись комочки земли. Листьев на дереве не было. Дриады не умеют плакать, и у них нет сердца. Поэтому она не заплакала, и сердце её не сжалось. Дриады умеют видеть и слышать, одушевлять деревья и создавать настроения. Она не слышала ничего — ни единого звука. Она не могла создать настроение, потому что для этого надо оттолкнуться от чего-то, уже имеющегося, а у дриад нет памяти — они живут длящимся сейчас мигом. У неё было дерево, вырванное из земли.

Дриада осторожно высунула полупрозрачную ручку из дупла — рука погрузилась в непривычную на ощупь вязкую массу. Масса не вошла в её дерево. Дерево было её домом, и дупло его было затянуто дыханием дриады, как лёгкой, проницаемой для дриад, но непроницаемой для всего остального мира плёнкой.

Дриада вернулась обратно в дупло. Она не знала, что именно можно делать в такой непривычной ситуации. Не было больше нужды быть душой дерева — оно было мёртво. Его можно было сохранять, как дом, и для этого надо было иногда чувствовать ствол своим домом и гладить дупло изнутри кончиками пальцев. Больше делать было нечего.

Дриада заснула. Она много раз засыпала и просыпалась. Дриады не знают времени — у них нет старости, а смерть настигает их лишь тогда, когда дриаду застигнет лесной пожар. Перед огнём они бессильны.

Она проснулась и почувствовала маленькое изменение в пространстве своего дома. Во сне она разворошила верхний слой трухи и слежавшейся хвои, на которой спала, и теперь перед её глазами оказалась маленькая светящаяся гнилушка. Дриада положила светящуюся щепочку на ладонь и улыбнулась. Щепочка светилась — бледно, тускло, но светилась. Было много звёзд, но они были очень далеко. Щепочка лежала у неё на ладони. Дриада накрыла

её другой ладонью, подержала немного, потом снова раскрыла ладошки. Щепочка засветилась чуть ярче. Может быть, дриаде это только показалось. Она заснула, не выпуская гнилушку из руки.

Теперь она спала только зажав щепочку в руке. Проснувшись, она смотрела на щепочку, наклонив голову, иногда обматывала её своими волосами и смотрела на пробивающийся сквозь волосы неяркий свет. Иногда сидела долго, положив светящуюся щепочку себе на голову. Щепочка светилась теперь ярче. Иногда дриада смотрела на неё сквозь пальцы, но никогда не пыталась выставить руку со щепочкой наружу.

Через время она не смогла зажать гнилушку в своей руке. Гнилушка стала больше, хотя осталась той же неровной формы. Свет её стал более мягким и даже тёплым. Впрочем, может, дриаде это только казалось. Потом дриада спала, обхватив гнилушку обеими руками. Дриаде стали сниться сны. Дриады не видят снов. Поэтому сначала она растерялась, поняв, что стала проживать несколько жизней. Одни жизни она проживала в дупле мёртвого дерева, в темноте, с мелкими дальними звёздами, некоторые из них мерцали. Другие жизни она проживала в лесу, в живом дереве. Пели птицы, и вокруг неё кипела жизнь. По стволу легко взлетала рыжая белочка, муравьи торопились в извилинах коры, задумывался ёж, остановившись под деревом.

С гнилушки осыпалась труха, и труха тоже светилась мягким ласковым светом. Скоро всё дно дупла было устлано мягкой светящейся трухой. Дупло светилось теперь изнутри, и с лица дриады не сходила заворожённая улыбка. Теперь она спала на гнилушке, усыпанной трухой. Она посыпала этой трухой свои волосы, и они тоже светились, и в той жизни, где были деревья и звери, она теперь тоже появлялась со светящимися волосами.

Гнилушка росла и скоро стала занимать собой всё дупло. Дриада обхватила её руками и стала медленно подталкивать к выходу. Она уже не боялась — у неё было много жизней, и гнилушка была уже настолько велика, что не могла сгинуть за пределами дома. Гнилушка выскользнула из отверстия и повисла ровно напротив дупла. Тёплое, умеренно яркое солнышко светило для дриады. Она смотрела на солнышко и засыпала.

Девушка и душа

Он ждал её. Ждал каждый вечер, когда она шла домой по этой тропинке. Они говорили, смеялись, он провожал её домой. Она не пришла. Почему? Следующим вечером она пришла, грустная. В день её пятнадцатилетия родители открыли ей тайну — с раннего детства она была просватана. Через год, в этот же день, она станет женой красивого юноши из соседнего города. Так решили её родители. Так нужно.

Он стоял и молчал. Он не верил, что они будут разлучены. Прошло несколько недель. Каждый вечер они встречались и грустили — уже не радовали их красивые закаты, тёплые вечера и шелест листьев над головой. И вот он встретил её улыбкой. Она улыбнулась в ответ, не веря ещё в то, что он придумал нечто утешительное.

«Я люблю твою душу. Я хочу быть с твоею душой. Отдай мне твою душу и выходи замуж». Его глаза горели, он всё продумал. Есть женщина, она умеет всё, даже самые мудрёные вещи. Она сможет помочь.

Пятнадцатилетняя девочка смотрела на него с ужасом.

Она пошла к этой женщине.

Женщина не говорила людям о своих умениях. Её бабка была ведьмой, её мать была ведьмой. И бабка, и мать занимались вечными и скучными делами — привораживали, присушивали, потом отсушивали, потом присушивали к другой или другому, потом отсушивали. Женщина решила не заниматься этими скучными вещами. Она говорила, что не умеет ничего и великий дар прекратился, что она прервала свой род ведьм. Но некоторые всё же знали, что умеет она даже больше, чем её мать и бабка, умеет больше, потому что не растрачивала свои силы на бесконечные присушки/отсушки.

Женщина долго смотрела на девочку. «Хорошо, — сказала она. — Я оставлю тебе ум-разум и тело, а ему мы отдадим твою душу. В ночь перед венчанием твоя душа переселится в эту куколку». И она отдала девочке маленькую тряпичную куколку с синими глазами пуговками. Куколка была одета в белое подвенечное платье.

Через год девочка сидела перед зеркалом и слушала венчальные песни. Когда надо было встать и подойти к красивому кудрявому парню, она потеряла сознание. Когда сознание вернулось к ней, у куколки заблестели синие глазки пуговки, а тряпочное тело стало тёплым.

А девочка перестала смеяться просто так, а теперь смеялась только тогда, когда при ней рассказывали что-то смешное; она перестала смотреть на звёзды — смотрела на небо только узнать, не собирается ли дождь. Люди шептались, что молодая жена не по годам разумна и серьёзна. А молодой муж был печален, он ждал в своём доме весёлую девочку с синими светящимися глазами, а нашёл разумную женщину. Скучно ему было.

И только Он радовался — куколка смотрела синими светящимися глазами, он говорил с нею — пусть не было ответа, она слышала. Он смеялся вместе с нею над неуклюжим жуком и маленьким щенком. Куколка всегда была вместе с ним.

Девочка занималась хозяйством, никаких ссор не было в доме, но и смеха не было.

И тогда муж её пошёл к той же женщине. Он спрашивал, что случилось с его женой — он видел её несколько раз до свадьбы, и она была другой. Женщина молчала. Оставь её — вот единственный совет, который прозвучал, когда муж уже выходил из дома.

Муж оставил молодую жену. Никто не понимал, в чём дело.

И только Он пришёл к ней вечером, пришёл с маленькой куколкой. Девочка смотрела на него и на куколку. «У меня нет детей — зачем мне кукла?»

Он просил её взять куклу в руки, она не соглашалась, не видя смысла в этом.

Он просил её выйти за него замуж, она отвечала, что была уже замужем.

Он говорил о душе, она не понимала, что это такое.

И тогда он ушёл домой, разговаривать с тряпичной куклой. Кукла смотрела тёплыми синими глазами, и он рассказывал ей самые удивительные истории на свете.

Оленёк

Оленёк был никаким не маленьким оленем, как думали все. Он был маленьким единорогом. Единороги в тех местах жили всегда. Местные жители их боялись, потому что существовало поверье, что рог у единорога острее любой самой острой вещи, которую только можно себе вообразить. Поэтому, если единорог даже случайно чуть прикоснётся к человеку своим белым рогом, то человек упадёт замертво, пронзённый. Поэтому, завидев единорога, все убегали. Потом одна девушка пошла собирать ягоды и подвернула ногу. Из леса на поляну вышел сияющий единорог и остановился напротив. Девушка закричала и поползла прочь от зверя. Единорог подошёл к ней. Она закрыла глаза и почувствовала на своей шее прикосновение чего-то мягкого и нежного — словно тополиный пух. Она открыла заплаканные глаза и увидела, что единорог касается её своим рогом, оказавшимся мягким и невесомым. Сверкающий и распространяющий сияние рог был создан из чего-то почти неосязаемого и светил, как солнечный луч. Бояться его было нечего. Девушка рассказала о своём открытии, и обрадованные местные больше не боялись единорогов. Они рассказали всем, кому только могли, что их страхи были глупыми. Всех единорогов поймали. Оленёк тогда был совсем маленьким. На его лбу ещё не было сияющего рога, и ловцы решили, что это маленький оленёнок, и не стали ловить его. После этого оленёк стал себя называть оленьком и даже из мыслей напрочь выкинул любые воспоминания о том, что он единорог.

Когда он начал подрастать, он подошёл к озеру и увидел, что на его голове набухает пушистая шишечка, из которой потом и вырастает сияющий рог. Оленёк пошёл в место, где исполняются все желания, дождался нужного часа, встал в правильном направлении и пожелал навсегда остаться маленьким оленёнком, без сияющего рога и вообще без каких-либо рожек, даже оленьих. Он был очень быстрым и легко убегал от людей и зверей. В лесу он нашёл дом, вдоль стен которого, одна на другую, были уложены книги и рукописи. Огромные тома в тяжёлых кожаных переплётах аккуратно были сложены вдоль стен. По ним можно было взбираться под потолок и весело прыгать — оленёк был совсем маленький, а книги очень большие. Книги не рассыпались, и оленёк обегал всю комнату под потолком. Он пришёл в этот дом и увидел, что на деревянной кровати, стоящей ровно посреди дома — другой мебели там не было, — кто-то лежит. Оленёк осторожно и бесшумно подошёл к кровати. На ней спал старик, со всех сторон на кровати были разложены книги. Старик лежал посреди них на спине, в тёмно-красном халате. Он открыл глаза и тихим, но совсем не сонным голосом сказал, что всегда знал о том, что в этих краях должны быть единороги. Оленёк подумал, что он же совсем не единорог. Старик рассказал ему, что это его дом, в котором он не был много лет, а книги он собрал ещё в юности, но не успел прочитать, потому что отправился в далёкое путешествие. А про единорогов — всегда догадывался, хотя не видел ни одного, даже когда жил в этих краях.

Потом оленёк часто приходил к старику. Старик читал свои книги, оленёк забирался на книжные горы и обегал комнату под самым потолком. По-

том он пришёл и увидел, что над самым домом из серого кучковатого облака идёт дождь. Падали крупные капли, и ровно над домом, как венец, зависла маленькая яркая радуга. Оленёк смотрел на неё, пока дождь не закончился и радуга не исчезла. Он вошёл в дом и увидел халат, сохраняющий форму тела, и разложенные на кровати книги. Потом он часто приходил в дом и однажды осмелился забраться на кровать. Он почувствовал тепло и увидел, что над кроватью возникает облачко. Облачко сгущалось и принимало очертания человека. Через несколько минут перед оленьком оказался старик. Он опустился на кровать и сел на ней по-турецки так, что оленёк оказался рядом с его рукой. Оленёк так испугался и растерялся, что даже не мог пошевелиться. Тогда старик сделал то, чего не делал никогда — он погладил оленька по его маленькой пушистой шишечке, из которой не вырос рог. Оленёк почувствовал, что он растёт, но тело его не увеличивается. Просто вокруг него нарастают очертания кого-то другого. Вокруг оленька заплясали искры и крутящиеся разноцветные шары, и скоро он уже видел, чьи очертания нарастают — большого единорога со светящимся нежным рогом. Сам же оленёк был словно внутри этого зверя, как в коконе. Он очень сильно боялся, и тогда старик улыбнулся и очень громко хлопнул в ладоши, выкрикнув что-то. Тут же оленёк поднялся в воздух, окружённый облачным единорогом, и прорвал липкую паутину, — обернувшись, он понял, что он вместе со стариком прошёл сквозь крышу дома. Над домом во всей красе висел сверкающий единорог, внутри которого, никому не видный, притаился маленький, смертельно перепуганный оленёк. Через секунду пошёл крупный тёплый дождь, и оленьку казалось, что это не дождь, а большой единорог плачет, а слёзы его падают на оленька. Сияла радуга, и в ней оленёк разглядел то, чего никогда в радугах не замечал — мягкую траву, цветы, солнце и больших единорогов, скользящих из одного радужного слоя в другой. Оленёк забыл про то, что ему очень страшно, и попытался прыгнуть в жёлтый слой, как ему показалось, самый тёплый и гостеприимный. Радуга поглотила его и стала больше и ярче.

Плясали в огне

Дети плясали в огне — маленькие сияющие дети. Они прыгали, смеялись, мечтая подскочить ещё выше. Их измерение было тёплым и радостным. Они хотели прикоснуться к рукам, тянущимся к ним, ответить на рукопожатие, но сморщенные угрюмые существа успевали отдёргивать свои конечности раньше, чем дети запрыгивали на кожу или волосы. Существа тянулись к детям и пытались взять их на руки, дети тянулись к существам, но в последнюю минуту почему-то ничего не получалось. Они сидели вокруг костра — сморщенные, покрытые съёжившейся, тускло-зелёной кожей. Глаза их были полуприкрыты. Они никогда не улыбались и не разговаривали. Улыбаться они не умели, а разговаривать было не нужно. Каждый знал ровно столько же, сколько знали остальные. Всего их было шесть. Вокруг этого костра всегда было шестеро. Один из них мог иногда отойти, но пятеро должны были оставаться рядом с костром. Они поддерживали огонь взглядом своих неподвижных глаз и теплом своих тел. Раз в шесть дней приходил седьмой. Тогда они смотрели на огонь и видели то, что видел он — дымных лиловых фей с тонкими пальцами, прозрачные оранжевые дворцы, огненные круглые озёра, извивающиеся алые цветы с синеватой серединкой и смешной сияющий народец, обитающий среди язычков пламени, которое и не пламя вовсе, а цветы, реки, горы и водопады. Они смотрели глазами седьмого и видели жизнь, резвящуюся за тончайшей пламенной стеной. Потом седьмой вставал и уходил. Возможно, к следующему костру. Дети ничего этого не знали и не различали лиц и фигур — они видели лишь руки, тянущиеся к их огненным деревьям и скалам. Руки эти представлялись им большими небесными змеями, появляющимися в небе время от времени. Сначала возникала тень, потом, в небе показывались очертания руки, иногда, на миг, появлялась рука и тут же вырывалась из пламени. Ходили легенды о проворных, успевших забраться на руку-змею, пробежаться по её холодной шкуре и спрыгнуть потом обратно вниз. Жизнь огненных детей была танцем и движением. Жизнь существ — неподвижностью и ожиданием. Дети не знали, зачем они танцуют, существа не знали, чего они ждут. Однажды седьмой не пришёл. Его ждали долго и смотрели в огонь, призывая. Седьмой просто умер от старости, но существа не знали старости и не ведали, что седьмой был человеком, жившим в лесу. Он жил в этом лесу много лет и раз в неделю обходил ведьмины круги. Зачем он это делал — он не знал. Так делал его отец — тоже колдун, так делал его дед — тоже живший одиноко в лесу. Последнему колдуну некому было передать этот ритуал. Да и смысла он в нём особого не видел. Отец верил, что колдун, входящий каждую неделю в ведьминские круги, в середине которых можно увидеть маленький огонёк, получает силы и знание от огненных фей, живущих в пляшущей искре. Седьмой этих фей не видел, хотя и слышал иногда тихий смех и шелест внутри круга и ещё чувствовал рядом, в круге, чьё-то присутствие, каких-то существ, их тяжёлый взгляд и холодное тяжёлое ощущение. Ему чудилось, что существ шесть. В каждом круге было одно и то же. Он сидел внутри каждого круга, как его учили, на одном месте, неподвижно, смотрел, не мигая, в середину, пока не появлялся грезящийся ведьминский

огонёк, разгорающийся всё сильней и сильней. Его тело наполнялось теплом, и руки тяжелели. Потом он закрывал глаза и за закрытыми веками плясали искорки, и складывались из них витиеватые узоры, как будто кто-то выводил затейливые неизвестные буквы, смеялся — и буквы плясали и смеялись, и смысл происходящего был неуловим никогда и никем. Потом он открывал глаза, пятясь, выходил из круга и шёл к следующему. Всего кругов было семь. Это он проделывал каждую неделю. Пока не умер от старости. Существа долго ждали. Потом они начали вглядываться в костёр сами, но ничего не увидели. Одному из них пришла в голову мысль, которую тут же почувствовали остальные — он подумал, что огненный народец умер, и потому седьмой больше не придёт. Существа, сидевшие по кругу, встали и медленно разбрелись по лесу. Трава распрямилась, и ведьмин круг исчез. Огоньки гасли. Огненные дети почувствовали непонятную слабость и перестали плясать.

Повелитель пауков

Его звали Повелитель пауков. Дети боялись его, взрослые относились с уважением и презрением. Презрением потому, что он каждый вечер выходил на арену цирка, а взрослые презирали циркачей. Он выходил в серебристом костюме, чёрные длинные волосы, короткая чёлка, лицо — в выщерблинах-оспинах. На него направляли прожектор. Он просто стоял, разведя руки в стороны. Публика несколько секунд приглядывалась к нему, недоумевая, чему, собственно удивляться и на что глазеть. Потом он улыбался, и красивые узоры на его серебристом пиджаке приходили в движение. Чёрные розы на его плечах ползли вниз, по рукаву, орден на его груди раздвигался по всему пиджаку, а странные узоры на спине начинали разбегаться вверх и вниз. Сто чёрных паучков двигались по серебристой одежде в такт музыке. В это время звучал голос конферансье, объявлявшего, что яд этих пауков смертелен для человека. Номер несколько раз закрывали после гневных писем горожан, боявшихся за свою жизнь. Но потом снова он выходил на арену. Люди и боялись его, и хотели этого страха. Хотели бояться и замирать, когда паучки на его одежде начинали своё движение...

Их было ровно сто.

Он привёз их из дальней страны, куда добирался несколько лет, большей частью пешком. Туда не ходили поезда, не летали самолёты, туда можно было только дойти пешком, через горы; вплавь — через множество речушек; ползком — через топи. Оттуда он принёс деревянную шкатулку со ста паучками. Вернее, в шкатулке их было девяносто девять. Первый паучок — с пятикопеечную монету, на высоких ногах, покачивающийся на своих тридцати ножках, — появился у него много лет назад.

Паучок сидел на плече его любимой девушки. Девушка была мертва. Он ждал её вечером. Потом он ждал её следующим вечером, потом, не дождавшись и на третий вечер, пошёл к ней домой, хотя не должен был входить в её дом, только она приходила к нему по вечерам.

Она была мертва. Зеркала завешены, родственники плачут. На плече — маленький паучок. Только он увидел его, и только он узнал, отчего умерла девушка. Родственники не могли понять, что случилось с нею. Он узнал его — укус паучка был смертелен, но в этих краях, считалось, таких не было.

Он осторожно взял паучка, посадил к себе на ладонь и закрыл глаза. Он ждал смерти. Тихий голос прозвучал в его голове — «время твоё не пришло». Он ждал. «Твоё время придёт позже». Он ждал. «Если бы я не пришёл к ней, она упала бы на тропинке и сломала спину — она умерла бы этой ночью, но смерть её была бы мучительна, — так она ушла с улыбкой на устах и мыслью о тебе». Он ждал. «Твоё время не пришло. Я укушу тебя, когда оно придёт».

Он взял паучка и принёс к себе домой.

Паучка никто не видел, кроме него.

На следующий год он отправился в далёкую страну за 99 паучками.

Он привёз шкатулку.

Он долго болел после этой поездки, и в долгих больных снах он узнал, что он повелитель пауков. Ему приснился номер в цирке и арена. Так паучки стали кормить его. Они пели ему вечерами тихие песни, которые он слышал в своей голове. Они кружились медленно перед ним, в свете вечерней лампы.

Они были с ним всегда.

Он знал, его время ещё не пришло.

Вечером, после выступления, Он пришёл домой и открыл шкатулку. Тихий голос сказал — «время пришло».

— Это ты? Это ты, кто укусил мою девушку?

— Да. Это я.

— Я увижу её?

— Конечно.

— Хорошо.

Он шёл по тропе, и она бежала ему навстречу. Она обняла его.

— Помнишь паучка?

— Да! Это ужасно!

— Их нет здесь?

— Нет, конечно! Это же Рай, а они убивают! Здесь нет их, и никогда не было, и не будет.

— Как жаль...

Впервые она не поняла его.

Птица

Птица парила в воздухе над круглым горным озером. Сделав несколько кругов, она застыла над ним, прикрыв глаза и настроив ритм своего сердца на биение сердца земли. Глубоко внутри вулкана стучало огненное сердце, а в воздухе, над бледно-голубой водой, билось сердце птицы. Когда они вошли в резонанс, на её груди открылся глаз — такой же круглый и блекло-голубой, как и озеро. Этот глаз умел видеть только карту и ничего более. Глаз смотрел в озеро. По воде пошли мелкие волны — шли они одновременно в разные стороны, сталкиваясь и расходясь. На дне озера тонкий белый песок начал образовывать фигуры, борозды, горки, впадины, пока из них не образовалась карта. По воде пробежали розовые пятна, путая рисунок, но через секунду карта снова была видна. Круглый глаз, не мигая, смотрел на неё, потом резко закрылся, его заслонили перья на груди птицы, она качнулась в воздухе, открыла другие глаза и медленно полетела вверх. Как только глаз закрылся — карта на дне исчезла. Птица летела всё выше, пролетая через небеса, параллельные друг другу и разбросанные в беспорядке воздушные города. На небесах оставался тёмно-серый слепок её громадных крыльев. Поднявшись над всеми воздушными городами, птица сложила крылья, потом развела их, и на крыльях, с внутренней и внешней стороны, открылись продолговатые сияющие глаза. Глаз было великое множество. На самом деле, это были души птиц, всех птиц, существовавших когда-то. Птица запела, но её не было слышно, потому что голос её был слишком громок и слишком высок. Её не слышал никто, но в воздухе образовались радужные водоворотики; изумрудные смерчи — холодные и горячие — сталкивались под её крыльями; вдруг из ниоткуда появлялись и тут же таяли снежинки; в середине смерчей виднелся золотой песок, и в воздухе повисали обрывки картинок: деревья без веток — только ствол и листья, уже шелестящие на невидимых ветвях; рыбы, плещущиеся в невидимой реке, и камни на дне её; яблоки и апельсины, висящие в пространстве, и ещё много всего. Постепенно всё выстраивалось в картину сада. Рай для птиц был готов. Птица взмахнула крыльями, и многоцветные глаза осыпались с её крыльев и испуганно завертелись в воздухе. Каждый глаз был охранён переливающейся оболочкой и как будто плавал в своём мыльном пузыре. Постепенно внутри оболочек началось движение: глаза моргали, кружились на месте, вытягивались, принимали самые несуразные формы, но, в конце концов, становились прозрачными радужными птицами. Самыми разными. Оболочка вокруг них истончалась и, наконец, растаяла. Птицы казались самых разных размеров, но при этом все они были одинаково крохотными. Они разлетелись по саду, просвечивая друг сквозь друга, и их разностильное пение сливалось в медленную и торжественную мелодию, которой безуспешно они пытались научиться на земле. Птица медленно улетала вниз за новыми глазами.

Саламандра

Ящерка язычком пламени скачет, глазками сверкает. Она в этом камине столько, сколько себя помнит. Старый хозяин ушёл — пришёл новый. Он сидит у камина, а ящерка пляшет для него. Он улыбается — танец нравится ему. Ему всегда нравился её танец. Пока старый хозяин тоже не ушёл. Потом появились чужие люди и говорили о том, что дом тоже умер, так же, как и его хозяева — старый и молодой. Смерть забрала старого и молодого, а теперь ей понадобился дом. Впрочем, на этом месте будет построен новый дом. С камином, непременно с камином. С электрокамином — так удобнее и безопаснее. В электрокамине ящерка жить не сможет.

Люди ушли, а ящерка долго ещё металась по угасающим поленьям. Дымные девы вились рядом с нею. Обычно она не разговаривала с ними. Начнёшь разговор — а дева уже сплясала свой витиеватый танец и растаяла. Уже рядом с тобой другая дымная дева, не знающая ничего из того, что ты рассказала её предшественнице. Разговора быть не могло, но можно было попробовать нечто иное — она представила себя дымной девой, почувствовала, как вливается жизнь в струйку дыма и сизый дымок становится вьющимися волосами, платьем, гибкими руками, извивающимся телом. Неожиданно она поднялась над камином и увидела сверху и камин, и поленья, и извивающихся дымных дев. Она растерялась — раньше ей не удавалось подняться над огнём, её породившим. Старый хозяин часто говорил ей, что она не хранительница очага и камина — она вольный дух огня — Саламандра. Он говорил ей, что она прекрасная дева, краше которой нет на свете. Он говорил, что видит её медные волосы, изумрудные глаза и гибкое тонкое тело. Она смеялась — она была ящеркой. Она была лишь хранительницей очага и камина. Старый хозяин умолкал и тоже начинал смеяться. Молодой же хозяин не видел в ней саламандру — лишь пляшущий огонёк. Иногда она мечтала о том, как прекрасно было бы стать зеленоглазой девушкой с медными жёсткими волосами. Но она всего лишь ящерка.

Не забылась — люди называют это сном. Она забывала себя.

Люди пришли ночью и подожгли старый дом, отправив его к смерти.

Дом вспыхнул ярким пламенем. Она не успела очнуться, не успела вспомнить себя, не успела понять, что происходит. Она просто сделала шаг и ещё один шаг.

Рассказывали, что из горящего дома вышла невысокая девушка с медными волосами, в зелёном платье. Она улыбалась. Её жизнь и её шкурка ящерки — сгорели.

Кто-то говорил, что видел душу старого дома в облике девушки. Кто-то говорил о массовых галлюцинациях.

Кто-то — просто ничего не видел.

Ящерка уходила в лес.

Ganych

* * *

Боги порой жестоки..... Так случилось и в этом мире.....

На высоте птичьего полёта ему открывался прекрасный пейзаж, но это лишь по меркам жалких людей. Он был богом, по крайней мере, он считал себя таковым. Обычный закон всех миров и пространств — сильный всегда бьёт слабого, — и ему это нравилось, чувствовать своё превосходство было для него высшим наслаждением.

Он летал над большим по размерам поселением. Оно было богатым: хорошие каменные домики, большие дворы, много скотины, прекрасная чернозёмная земля. Но ему до этого не было никакого дела, ничто как выкуп не интересовало его. Ни деньги, ни еда, — ничего. Он пришёл торжествовать свою победу, видеть людскую смерть. Он был драконом, гигантским летающим ящером. Но он не был тупым, поддающимся инстинкту животным. Он был вполне разумное существо. Его голос, сильный и прямой, раздавался над домами. Люди выходили на зов и даже не поднимали вверх головы, казалось, они уже знают, что их ожидает.

Когда все собрались на площади, он завис над нею. «Вы недостойные создания, чтобы жить на земле, — проговорил он, — но я избавлю вас от бренной оболочки». После чего взмыл вверх. Люди знали, что такое может случиться с любым поселением или городом — это неважно.

ОН НАЙДЁТ ТЕБЯ, КОГДА СОЧТЁТ НУЖНЫМ!

Ни один человек на площади не издал звука, ни один ребёнок не заплакал, не всхлипнул. Там, на площади, стояла мёртвая тишина. В этот момент люди могли только молиться про себя. Один человек молился Богу, — и не этому демону, а настоящему, если он был, — ему хотелось верить в то, что он был. «Господи, сделай так, чтобы дети мои умерли быстро, без мук». В этот момент пламя охватило его, и он ушёл.

Когда на месте деревни была лишь выжженная пустошь, дракон полетел дальше, он знал, что многие сочтут его «богом».

* * *

Боже, как это больно и невыносимо. Когда гадкий червь просто опустошает тебя, он пожирает тебя изнутри. Двигаясь по самым удобным для него местам. Он постоянно говорит со мной, это отдаётся тупой болью в моей голове. Вот он скользит от нерва к нерву, проползает по сухожилиям. Он маленькая наглая сволочь. Его присутствие сильно отдаётся в районе паха. Слова..... его противные слова..... они как лёгкий шелест листвы на самом грани слышимости. Он просто говорит, так властно и требовательно. Я не вижу от него никакого спасенья, а он всё шепчет. «Ты ведь знаешь, что всё кончено, я доберусь до мозга и заполню тебя целиком, без остатка. Твои мысли, которые ты мне противопоставляешь, ничтожны, ты ведь и сам это знаешь, но не хочешь смириться с этим, кидаешься в крайности, но ведь не помогает, ничего не происходит, а иногда своими поступками ты только помогаешь мне. Я становлюсь сильнее, быстрее, умнее. Ты сам способствуешь моему развитию». Я стараюсь проморгаться и посмотреть на мир вокруг меня. Но всё тщетно: краски блекнут, все предметы вокруг меня меняют свои очертания, куда ни глянь, везде серая хмарь. Она полностью меняет мир. Тот мир, в котором я жил, его больше нет. Всё изменилось, всё.....

Выйдя на балкон, я посмотрел на улицу. Вокруг была безжизненная пустыня, лишь вдалеке стояли чахлые деревца, по-видимому, единственные обитатели этой местности. Я спокойно полез в карман за сигаретами и закурил. «Ты что, загнал меня в ад?» — спросил я червя, который был уже где-то на уровне моей груди. Он как будто опешил от подобного вопроса, хотя только что намеревался скользнуть к моему сердцу и попробовать, каково оно на вкус. «Ты не удивлён», — как-то настороженно ответил он мне. «Нет», — последовал мой лаконичный ответ. Он, казалось, призадумался и спросил меня, мне показалось — с живейшим интересом: «Почему?». «Почему? — ответил я ему в унисон. — Ну, не знаю, может, я и заслужил это». Выкурив полсигареты я бросил остатки с балкона, она за несколько секунд преодолела расстояние от балкона до песка, что сейчас лежал под ним. «Плохо», — подумал, я ведь до того, что случилось, возле дома рос великолепный садик. Червяк как будто медлил и ждал от меня чего-то, он не спешил попасть в мой мозг, хотя легко мог сделать это и за пару секунд убить меня. Я оделся и быстро вышел на улицу... впрочем, не на улицу, а в некую местность, как я уже успел на ходу подумать. «Ты ещё здесь?» — спросил я своего невольного собеседника, но он не ответил, лишь дёрнулся, и это отозвалось болью в сердце. Расценив его ответ как утвердительный, я пошёл в том направлении, где чахли деревца. Почему-то я считал важным попасть туда побыстрее.

Пока я шёл, я с интересом разглядывал небо. То поистине была адская смесь серого с синими линиями-вкраплениями на нём. Вдруг раздался гулкий удар, я в первый момент испугался, но через пару секунд догадался, что это нечто вроде грома в небе, и продолжил путь. Взглянув на небо снова, я увидел, что синих линий стало больше, я почему-то про себя решил, что это хорошо, и пошёл дальше. Едва я дошёл до дерева, червяк словно оживился: «Ладно, на этот раз живи, но смотри, мы ещё можем встретиться», — и как

будто начал таять. Мысли в голове у меня возникали сотнями, ложась одна на одну, даже не успевая обрести чёткую форму. Сто за и против крутились в моей голове. когда я сказал ему: «Стой». Он перестал таять и остался в состоянии полураспада. «Хочешь быть частью меня, моей личности? Ты бы мне очень помог». Ожидание его ответа длилось как будто вечность, но он всё-таки ответил: «Нет, иначе умрёшь ты, а я завладею твоим телом и буду полностью его контролировать». «Но почему ты оставил меня в живых?» «Я хотел изгнать из тебя все воспоминания полностью, подавить тебя, но, как видно, потерпел фиаско» «Но ты.....» «Молчи, — перебил он меня. — Смотри на дерево». И он полностью растаял. Я долго смотрел на дерево, но ничего не замечал, оно было такое же безжизненное, как и раньше. Решив отдохнуть немного и подумать, что делать дальше, я сел и прислонился к дереву. Так, просидев около получаса с закрытыми глазами, решился я снова взглянуть на него. На нём уже зеленели небольшие свежие зелёные листочки. Краски стали возвращаться, меняя окружающий мир. Я вновь чувствовал себя живым человеком.....

Убийца

В атаку, демоны! Этот крик раздался над огромным полем, где стояли лицом к лицу две армии. Этот приказ был произнесён уже не одну тысячу раз во время бесчисленных битв, которые я провёл в своё время. Я с гордостью могу сказать — я повелитель демонов! Меня уже ничто не остановит! Мне противостояли державы, маги, боги, нечисть, нежить, чудовища! Меня было не остановить. Чувства несчастья, горя, отчаянья заволокли мой разум. А по ночам, когда я ложился спать в своей палатке, эти чувства брали надо мной верх. Мне становилось жалко людей и всех тех, кому я причинил столько вреда. Слёзы текли из глаз моих, как у восьмилетнего мальчишки, послушавшего на ночь грустную сказку. Совесть буквально вопила во мне: «Что ты делаешь?!. Остановись!» Но было поздно: моя жизнь нарушилась в самом начале, и изменить что-то было невозможно.

Когда-то я был преуспевающий в своём тёмном ремесле вор, убийца по найму, шпион. Судьба была ко мне жестока, и я решил пойти наперекор судьбе. Я добился этого, я стал повелителем демонов. И вот передо мной тёмная богиня Рина со своей армией нечисти — уж её будет не жалко покарать.

Мою команду слышали все мои новые поданные. И вновь бросились демоны по приказу своего властелина! И вновь реки крови текли по полю. Умирали тысячи, сотни тысяч, миллионы различных существ, а я — властелин — взирал на всё это с варварским спокойствием. Прихватив в одну руку меч, в другую — искривлённый кинжал, я бросился в горячку боя. Я сам колол, рубил, кромсал живых мертвецов и тварей, мало поддающихся описанию. Увидев, что сам хозяин вступил в бой, мои слуги все как один издали рёв одобрения и с удвоенной злобой бросились в атаку. Уже через час всё было кончено. Рина сбежала, но я не стал догонять её.

Я стоял на поле боя в окружении демонов, которые в любую секунду ждали моего следующего приказа. Я с проклятиями отослал всех находящихся вокруг себя. То были мои лучшие демоны. Половина моей неисчислимой армии полегла в этом бою. Но это было несущественно. Можно было призвать новых, и гораздо больше. Я воткнул меч в землю, опустился на колени и опёрся на меч. Я так сильно устал, что не мог— да и не хотел — ничего делать. Так я сидел с закрытыми глазами и не видел ничего, кроме полной темноты.

Пошёл сильный дождь, настоящий ливень. Странная вещь: я был ему очень рад. Вот так, не меняя положения, я сидел под дождём, который смывал с моего тела грязь и кровь.

«Признайся себе, ты стал воином тьмы, и тебе никуда от этого не деться».

Я посмотрел на трупы вокруг себя, — эти были бездушны, поднятые по приказу своей богини. Но они напомнили мне людей, которых пришлось убить, дабы доказать судьбе, что она ничтожество, она не властна надо мной.

У меня сильно закололо сердце. Нет, я не буду с этим мириться. Взяв свой любимый кинжал, я резко всадил его себе в сердце.

Хрипя, я повалился набок, и в мозгу вспыхнул вопрос. Я хотел знать, переиграл ли я судьбу или получил от неё всего лишь презрительную усмешку.

Охота

Он был староват. Ему давно минул шестой десяток лет. Но это его не останавливало. Он был простой человек — охотник. С большим количеством шрамов на лице и теле, самых разнообразных. Были от стрел, от мечей, от клыков и когтей. Он был огромного роста, невероятно силён, у него были железные мускулы. Сила текла в нём, но он чувствовал, что скоро она пропадёт, и поэтому он шёл на свою последнюю охоту. Он не хотел ослабнуть и стать жертвой старости дома в постели, а хотел он в далёком от его дома лесу найти себе соперника из числа водившихся в лесу хищников. А как он знал не понаслышке, там водились такие твари, которых ни один человек ни разу и не видел. Но он не хотел стать жертвой, он хотел умереть в бою, прихватив какую-нибудь тварь с собой на тот свет.

Когда на его хуторе узнали о его решении, рёв стоял прямо таки оглушительный. Плакали его жена, младшие дочки и сыновья, плакал и его родной брат, хотя ему шёл 53-й год. Все его отговаривали, что-то говорили, но он не слушал. Он принял своё решение и отступать не собирался. Его старший сын подошёл к нему с каменным лицом без слёз, но были видны мокрые веки. «Батюшка», — произнёс он и упал на колени. Но старый охотник поднял его, посмотрел ему в глаза и дал наставление, так как к нему в управление теперь переходил хутор. «Смотри, сын, хутор к тебе в правленье переходит, соблюдай порядки да обычаи, как я тебя учил, тебе теперь быть главным, хозяйством заправлять, сестёр замуж выдавать, о приданом заботится, братьев искусству охоты обучать да за матушкой приглядывать». Всё, что нужно, охотник сделал, и поэтому шёл с лёгким сердцем, в сыне своём он не сомневался, тот по характеру в отца пошёл.

Жалко ему было домашних, когда он видел их лица, но поделать он ничего не мог. Кода он уходил с хутора, после последних прощаний и объятий, он шёл и не оборачивался — он боялся оглянуться, и дать слабину, и вернутся. Лес стоял перед ним огромной стеной. Он шёл по нему и понимал — это будет его лучшая охота. И вот вдали он заметил какое-то существо. Но до него было далеко, он не мог понять, кто это.

Зверь остановился: «Ну, давай, охотник, покажи, что ты можешь», — сказал он про себя. Он начал подкрадываться к жертве.....

Ренат Фуртаев

Indigo

Знаешь, как стекло бьётся о керамическую плитку?
Знаешь, как крыло скрипит о клетку?
Того меня почти уже не стало,
Тот я лишь в музыке живу.
А я?.. Мне места мало,
Мне трудно жить, но я дышу.
Закрыть бы все входы и выходы,
Сидеть, курить и делать выводы,
Как изменил меня огромный город,
Как изменил мне разум мой,
Как я нашёл себе другой,
Не лучший, но нашёл ведь повод.
Крошится мозг мой серыми молниями
В думах о городе с плавными линиями,
В думах о городе с ветрами дикими,
В думах о цвете —
цвете индиго.

Sigarete

Нервы дёргаются из-за мыслей
Люди суетятся, как крысы
Ветер путается под ногами
Чеки летают, а мы

Штукатурим себя
Нервно курим тебя
Сбиваем ботинки о грязь
Листья пугают, крутясь

Покупаем чужое искусство
Джинсы давят, от этого грустно
Хороший слух и сила в коленях
Не хотим терять себя в ощущеньях.

* * *

вдруг появляется свет
незнакомый чужой
может тьма кажется светом?
на фоне всех бед
может время ушло?
может забылось тепло?
теперь ищи небо рукой
теперь будь небом сам
можешь нажать стоп-кран
будь сам себе головой
но кто-то ворует кусочки плоти
кто-то живёт рядом
питаясь тобой
зазубренный текст любимой песни
он уже не спасает
рука стреляет и попадает
рука комкает лист жести
свет преломляется углом
притупляется чувство
кругом ветра и тепло
слёзы застывшие тают
превращаются в воду, сияют
солнце топит город в грязи
не растают только слова
сколько память не грызи
только фотоны втыкаю
и новую силу в себя забиваю
но помню всё, смотрю на всё
и ничего не забываю
тех мыслей уже не вернуть
и только он изменяет путь —
свет.

* * *

Видимо, слишком много хочу
Видимо, слишком мало сплю
Видимо, слишком много я
Видимо, слишком жгу себя

Надо ли быть тебе и мне?
Надо ли быть нашей весне?
Надо ли мучить нас?
Надо ли смотреть в анфас?

Как всегда, одни загадки
Как всегда, сознательные неполадки
Как всегда, сомнения
Как всегда, я не умею

Не умею ждать,
Не умею лгать,
Не умею суметь,
Не умею отпускать...

* * *

Восход тебе
И дни летят
Дарил себя
Обман и яд
Ему и им
А утром дверь
Вода и дым
Такси на край
В кино, домой
Воспоминаний нет
Зонт сырой
Неон в окне
Зачем пишу?
Восход тебе
И я дышу.

Гнию

Кто придумал этот убогий мир
Таким, какой он есть?
Слышу я треск прожжённых дыр,
Но когда же мне дальше лететь?

Этот шум и ужасные лица —
Всё как будто бы не со мной —
Так лежит полумёртвая птица,
Ожидая фигуры с косой.

И я тоже жду чего-то,
Растворяясь в самом себе.
Я не вижу себя из-за брода
Застывшим в душе, в глубине.

Что же дальше делать, не знаю.
Все глухие: ори — не ори.
Постепенно я застываю.
Лёд. Гнию изнутри.

* * *

Жить или ждать?
Ждать...
Ждать у моря погоды?
Ждал...
Мало ждал, ждать годы?
Жрать землю и закусывать болью,
Жить мыслью и ждать боли,
Чтоб закусить землю,
Чтоб запустить в небо
Все свои мысли...
А потом ждать?
Ждать годы?

Запах неба

Затхлый влажный запах неба
С опаской ложится на мои плечи
Хрупкие белые плечи
Жидкие белые ночи не за горами
Кувшин, да что кувшин
Стакан пониманья мне бы
Весна предательски размывает грязь
А мне бы в чужое время попасть
А мне бы не начать стареть
Хочу обнявшись с травою сгореть
Чтоб запах пошёл на свободу
Чтоб нюхали все его
Ты и ещё куча народа
Едкий дым сожжёт все провода
Мой тленный разум охватит все города
Не будут пить кровь и закусывать хлебом
А будут нюхать
Затхлый влажный запах неба

* * *

Из года в год повторяю ошибки,
И каждый год повторяет меня.
Из года в год я верю улыбке,
И каждый год отнимает, любя.

Целую я лёд, открываю все двери.
Лёд тоже целует, а птицы летят.
Им воздуха нет, им незачем крылья,
И дверь на замок закрываю я.

Обрезать бы крылья тысячам птиц,
Сломали замки ведь своим воротам!
А может, такое опять мне приснится,
И дверь открываю, и снова я там.

Итог зимы

Зима шрамирует
Своими ветками без листьев. Голо.
Своими белыми кистями колет.
И краска заморозилась,
И ранит...
Весна приходит — начинает рана гнить.
Всё тает, как коррозия.
Капля за каплей уплывает
Или просто так
Сквозь землю исчезает.
Сквозь мясо — видно кость.
Нет боли — только злость
На зиму, на себя и на весну,
На то, что не смогли
Всё сделать постепенно.
Возьму за шов и дёрну,
А потом ещё раз — кровь,
Моя живая кровь!
Ну наконец-то, кровь!
Солнце запекло в бордово-красный.
Рвал металл, звонил, но всё напрасно.
Зима шрамирует
                бордово-красным.

Как всегда

всё как всегда —
слишком.
я как всегда
пешком.

ты как всегда
занят.
нас как всегда
ранят.

и как всегда
нечаянно.
я как всегда
один и с чаем.

я как всегда
весь в нетерпении.
я как всегда
теряю зрение.

ты как всегда
не рядом.
я как всегда
за ядом.

я не умею ждать —
беда.
я снова виноват —
всё как всегда...

* * *

Меня поменяли на одиночество,
Потом не позвали читать пророчества,

Мне не налили той чистоты,
Что сами не знали, только вот ты...

Ты не напишешь и не придёшь,
Себе ты позволишь написать ложь.

Ту ли услышу я, или нет?
Правильным надо быть. След

В небе остался от самолёта,
Я тоже знаю чувство полёта!

Я испытал на себе все паденья,
Я выдавал их за возвышенья,

Я получал от них грустную радость.
Радость в слезах — не такая и гадость,

Как мне казалось первоначально,
Слово сюда подойдёт: «печально»,

Тело ведь знает твою теплоту,
В нём любовь...

* * *

Не моё — не буду брать
Строил ты — не мне ломать
Если знаю, буду ждать
Не уверен — глупо лгать

Я взрастил — тебе даю
Не возьмёшь, тогда убью
Что взрастил я на краю
Прыгнул сам и расправляю

Ветер в перья дует мне
Без тебя, но не в огне
Видеть бы себя извне
Будет всё, но не к тебе...

* * *

Никогда
и никаким людям
не отдам,
и мне ничего не будет.

Навсегда
только сам верю
я в себя,
но идёт время.

Как вода,
всё плывёт мимо
В проводах,
На глазах, винный

Аромат.
Одному лучше.
Пусть помят,
Но не в их уши.

Телефон
Разорвёт в клочья
Караван
Небольших одиночеств.

Звук листвы,
Как привет неба,
Где костры
Вне любви к телу.

Знак стрельца,
И любовь к духу,
Два лица —
Попросить руку

Не судьба.
Убежать лучше,
Чем ходьба
По твоей суше.

Письмо Лерре
(маленькая сказка за 10 минут без знаков :-(

наверно дыры в душе у меня
от этого мне не догнать себя
для этого мне не бежать звеня
тебя и меня убьют люди

а может за дверью пусто?
а может там никого?
а может там сидит заяц?
а может быть кролик пьёт слёзы!

и каждый чёрный квадратик хранит миллионы штрихов

* * *

Смерть
по моему лицу скользнула.
Снег.
Зима им нас лизнула.
Век
Отдам, а может, половину.
Снег.
История для всех благочестива.
Путь
Тернист и сладок брызгами любви.
Пусть
Я часть себя дарю, ты только сохрани!
Память
Светлая, пятном в мозгу.
Жалить
Зачем кого-то: больно самому.

СМОТРИ

СМОТРИ, как закипает полведра CTR-РАСТИ,
СМОТРИ, валет «любовной» масти,

СМОТРИ, я закрываю дверь,
СМОТРИ, рядом с тобою зверь.

Я не могу уже тебя спасти, смотри!
Куда ты смотришь? Ты глаза свои протри!

СМОТРИ, мне интересна эта книга,
СМОТРИ, луна как смотрит дико.

Ты видишь? Снег уже почти растаял.
СМОТРИ, как режет слово краем.

СМОТРИ, как красный свет становится зелёным,
СМОТРИ, как город весь блестит, огнями обрамлённый.

СМОТРИ, как в небе туча улетает,
СМОТРИ спокойно, как я умираю.

Становление

Я поднимаюсь медленно, но верно.
Многие не замечают,
А я улыбаюсь, смеюсь,
Но страдаю.
Сейчас не лучшее время
Для всяких разочарований.
Сейчас не лучшее время
Для бед и... как там их...
Печалей!
Всё это неизбежно,
И никуда не деться.
Глотаю воздух жадно,
Пью воду из корытца,
Зато из своего.
Зато потом,
Когда луна засветит третий мне десяток,
Светиться буду Я,
Сдержан и краток.

Старость

пластилиновый звук
металлический стук
разрывается мозг
открывается космос
тёмно-жёлтые плечи
оживают тучи
летят, вдребезги разбиваясь
поднимаю руки
со стулом сливаюсь
под тяжестью мысли извиваюсь
стучу глазами о дверь
падаю, снова встаю
силы раскиданы по бумаге
и я понимаю что я
я подобен коряге
красивой коряге
но всё же сухой
сухой но ещё не гнилой
боюсь неизвестности
старости боюсь
оставить бы надо все силы
что есть у меня
меня запомнят
потом убьют
под тяжестью времени — гнию
зеваю, на всех смотрю
а может кого-то ищу
себя я гулять отпущу
куплю себе всякой фигни
жестом мне подмигни,
моя старость,
когда ты придёшь,
но меня
уже вряд ли
                найдёшь.

Родион Кравкль

Железная ночь

Железная ночь растоптала мой мозг;
И сердце устало от шумных биений;
И кровь застывает, как плавленый воск;
В глазах лишь пятно ярко-красных стремлений.

Я кое-что слышал о медных червях;
Я знал, что звезда — лишь скопление газа;
Я долго учился плевать на нерях,
Но быстро познал я всю сущность экстаза.

Во сне я любил улетать на Плутон
И долго бродить средь окраин Вселенной;
Там изредка слышал я сдавленный стон,
Шипение пара и бульканье пены.

Там кто-то сказал мне: «Останься со мной!»
И понял я вдруг, — в этом мире спасенье.
Но ночь из железа сдавила мой мозг.
И сердце устало от вечных биений.

* * *

Они придут ко мне во сне,
Они займут собой все мысли.
Я буду медленно тонуть
В реке обоев на стене.

И буду я покорно верить
В идеи, брошенные ими,
Себе выкалывать глаза
И пустоту шагами мерить.

Потом же плюнут моим телом
Они на серый камень дня;
И я с наивностью ребёнка
Займусь земным, непутным делом.

Перед полётом с бабочкой

На моих пальцах засохшая кровь:
Струны порезали их равнодушно.
Может, мне хватит играть вновь и вновь?!
Или бежать по порезам послушно?

Юная ночь за окном умирает...
И не зовёт за собою меня.
Но я ведь на кухне один. Я не знаю,
Чем пахнет мутное облако дня.

Вены сбивались с известной дороги;
Солнце плело из них чью-то струну...
Я выползал из вонючей берлоги —
Там я убил самого Сатану.

Дай же совет мне, растущая девочка,
Сделай меня обожающим свет!..
Девочка, бабочка, бабочка-девочка.
Ты видишь всё! Даже свет ***тех*** комет...

Стала Джульеттой, разбила планету,
И звёзды рассыпались, как твои бусы.
Струны звучали, звенели монеты,
И руки срывали плоды наших странствий...

* * *

Я согреваю снег своей тёплой рукой.
И умирает век, отблестев за рекой.
В этой борьбе я его победил.
Крови поэтов он много испил.

Я зажигаю небо зелёным костром.
И умирает эпоха, как бледный фантом.
Вместе с любовью её мы прогнали.
За руки взялись и у пропасти встали.

Жизнь — лишь тетрадка безумных стихов.
Мир — лишь тюрьма для рабов и для снов.
Счастье — в побеге из этой тюрьмы.
Нам ведь нужны лишь ***Нездешние*** сны.

Нездешние чувства, другая любовь,
Способность летать и прозрачная кровь...
Прыгнем мы в пропасть, оставив людей,
Вырвемся из смертоносных когтей!..

Но век ещё жив, он горит за рекой.
И снег не растопишь холодной рукой.

Роман Хортэ

Isolationism

1. Репейниковые совята

Утро осени. Лес на холмах, влажный лес. Камни растут из земли, кругами и друг за другом. Прерывистые дыхания... Речушки, вьющейся в корнях. В жёлтых опавших багровых листьях чернеет вода. И только свист поползня медленно тонет в моросящем и белом. Пылают созревшие грозди боярышника. Высокий ветер срывает росу с ветвей. Зияющие капли. Кристаллы на лицах листвы... лоснятся.

Ива витая в годах склонилась над водой. Ёжатся на сучьях репейниковые совята. Хорохорят пёрышки и потрескивают клювиками. Хлопают глаза чернеющие омуты, водяные ямы под травой полей. Маленькие блестящие и пугают. Но укутались в тумане репейниковые совята. Дремотные скрипы. Бьющихся сердец колкие клубочки. Медленно озираются в текущие дали. Ива дуплистая в годах парит над холмом. Мохнатые пичужки моросливо оттряхиваются и падают в реку. Течение уносит совят в чащу. Сопит набухающая кора. В плывущем тумане ворсится тень. Самый маленький и хорошенький репейниковый совёнок. Через мгновение ты проснёшься. Видит блестящими глазами паутинки на блёкнущем своде леса. Удивлённый и очарованный глухонемым таинством. Как под ручьями и снулой листвой, под землёй и под корнями лёд скребётся в облака. Ползёт когтистыми лапками вдоль по стволу. Изумлён и испуган. Сомкнувшись в веках. Совёнок заполз в дупло, тихо пискнул и уснул. Спи, мой маленький репейниковый совёнок... скоро поднимутся зубастые мокрые ветры, но ты, усыпанный сухой листвой, не услышишь, и потом придут белые холода, и ты не будешь знать, присыпанный снегом. В одиночестве и покое.

2. К умирающим городам и деградирующим людям

В островерхих коньках псевдоготического склада ума
Сырые сквозняки глинобитных фахверков
День за днём и все триста шестьдесят три
Тающая штукатурка кажет спёкшуюся связку
Распростёрты окна и двери поскольку не существуют
Разновысокие и все ниже деревьев
Узкими улочками
Гулкие камни
Стены разятся друг в друга
Скользкие зеленеющие стены
Полупризрачные лепестки в кирпичных расселинах
Асимметричная гармония ссыхающихся балок
Гармонический резонанс несущих конструкций
Туман
Морось
Снег

Саморазложение
Вереницы и лабиринты блуждающих припадков
Меняются фасады, меняются лица, меняются местами
Потрёпанные аркады гниющих начал
Коррозирующие гидранты увитые цветами
Маразматики, мои маразматики
В лонах белое семя больных
И белые голубки дарят заразу
И радость необычна
Дороги в полях и Вникуда
Где зерно гниёт на корню
Цинготные психозы
Голодные дети в Медных воротах
Всегда пустующие мельницы
Гулкие аллеи
Эхо прошедшего но прохожего
Лужи кругами сандалет
Праздные оборванцы и младенческая печаль
Рождаются и паразитируют
И никто не знает — начала темны
Явные врождённые отклонения
Но родители любят ребёнка
И я любил!
Обветренные черепичные мансарды
Заплаканные и брусчатые
Слепнущие улицы
Прибежище маленьких чумазых трубочистов
Свет в окне уходит и является
И приходит час
Жнут слабоумие
Девственные розовощёкие девочки
И морщинистые старики, задыхающиеся в пороках
Подснежники распустились в могилах
Кастрированные животные продолжают род
Ублюдки гри́бницы памяти!
В кровосмесительной агонии
Бурлят вены.

*

Ум сыт и ум пьян
Рассудок трезвый
Объятые дурманящими снами
И где все они теперь?
Но они безрассудство, безумие,
Видения, иллюзии и галлюцинации.

3. Диана
(Diana by comus '1970)

Следом похоти ведом целомудрию вменив
Через край лесов парящих
В венах взбухших кровь чернит
Через край лесов парящих
Помня честь, несётся он
Через край лесов парящих
Светлый путь предсмертных судорог
Вниз лесной тропою.
Мутным светом дева сходит, явит промеж сосен
Внемлет дева лаю гончих
Внемлет лаю гончих псов.

Диана! Диана сгноит твои ноги!

Похоть скулит в обнажённых зубах
Тот, кто избрал благодетель,
Внемлет, страшится пугающих знаков
Похоть ревёт, глаза настигая
Мчится, несётся в белых одеждах
Грязью жжёт очи, но жажда жжёт разум.
В ужасе дева и щерятся чащи
Через край лесов парящих
Разрывает похоть душу, попирая блажь вражды.

4.

Пылают и пылают листья в волосах
И плавятся листья на ветру
В мутных лужах кошачьих зрачков
Видения осени
Мох на плечах и чёрных манжетах
Жеманная кора и сохнущая кожа
Улыбки радостные утра
Тают тают тают
В опавших шагах
Весна бьётся из гроба
И ржавые клети и трупные трубы
Говорят и плачут
Весна очнулась из мёртвых
Голоса над седеющими кронами
Обветренные деревянные скамейки
В зелёной патине

Медь
Медь и халцедон
Над шагами в дорожных трещинах
Её впалые глаза
Больные румянцы на скулах
Всё так же молода и невинна
Побираются по миру ветви
Роняем жёлтые
И красные
Но холодные губы как холодны
И след шагом вьются грибницы
И тени меняют пространства и ритм
Спотыкаясь и хватается редеющих стволов
Снова миры смеются друг в друга
И снова в последний раз
На нёбе и в дёснах
Безвкусный рвотный налёт
Вернулась, безучастные лунатики
На колени
На колени запнувшись в подолах
Диких лоз в ароматных плодах
Падают на колени и распадаемся
Тревожные сны цветов и соцветий
В нимбах ты сухоцветы
И только ты одна
И одна из тех
Уткнулась в росистый мох
Мох на плечах и чёрных манжетах
Плющ и лицо плющ ткёт лицо
Тебе велико это чудное платье
И никто бы никогда не подумал
И никогда не сказал
Роняют кору в синем синем
И хочется плакать
И они плачут.

5. Утро/Август

Брусчатка льётся рыжим тленом
В камнях, истерзанных удушьем.
И только корки апельсинов, пятно черничного варенья
Зубами пыль грызёт уныло,
Не трогай пыль мои ботинки, мои бордовые ботинки
Среди лысеющих газонов стекают в утренние брызги.

Бегут чугунные оградки округой стоптанных домов,
Смотрюсь украдкой в водостоки, там тени дёснами скрежещут.
А в жёлтых патинах аллейки ведут котят в гнилой подвал,
Где в тёплых ржавых водостоках лежат опухшие мышата.
Зрачки кружат по сторонам, так я крадусь к себе домой —
Зелёной тенью скользких плит уснули склепы на ступенях.

Лоснится выцветший постскриптум, глухая боль седых подмёток.
Мой коридор — гробница мумий, безмолвных мумий мёртвых мух.
Оглохший обморок вещей, сухой паук в слепом окне,
Свернувшись в плед, сочельник молей, раба пожитков и грущу.
Печально с кровом расставаться, отрёкшись в утро суеты,
Полы, распахнутые ветром, цепляют иглы чужаков.

В ладонях вянут хризантемы, твой дом в объятиях каштанов,
Когда цветной пастельной книжки коты мурлыкают в мансардах.
Юдоль пылящейся квартиры, и в это утро не очнулась,
В тот день прохожие по лужам сказали мне, что ты больна.
На моросящем тротуаре я видел труп тряпьём укрытый,
Старик, ледышки тонких пальцев лежат в холодных серых веках.

Бледнеет ночь за горизонтом, в ветвях плывёт дыханье Тримпо.
И на полу высоких комнат гудят гармоники мембраны,
Стон костяных избитых клавиш — уносит чайку ветер в море...
И ветер рвёт сухие листья, шуршат в разбитой терракоте.
Под небом облако тонуло, бессонной утренней тоски,
Там тает пламя, тонкий дым струится тенью за спиной.

И всюду я, и я нигде, согретый лоном темноты.
В просветах спиц синеет дождь
На крыше в длинных дымоходах рыдают сказки трубочистов,
Как ты идёшь в осеннем платье, ресницах бархатных очей.
Проснись, смотри какое утро!
...но сникла ночь и ты за ней...

6. Тени вчерашнего сада

В потёртом и выцветшем
Поникшим посевам тлеющего лёна
Деревянные яблоки в сумеречной эмали
Помнить наготу плодоносящих садов
И то, что я знал
И то, что ты видишь сегодня
Неосознанно очарован над ними
Претворив рты в блаженном оцепенении

Помнить о том что будет снег
Над нами
И в деструкциях вчерашнего сада
Колкие тени январских дождей
Тени грядущего
И холод и печаль
Плетениям грибницы памяти
Покинутые коты падают с деревьев
Опустошённые и такие октябрьские
Сумерки
Под садом и за ним
Ревут дуплистые ивы
Укутавшись в мокрый плед
Мерцание сердца дремлет рассудок
Ничего
И ничего, мотыльковый трепет в паутинах
Очнись дитя
И когда рассудок
Разомкнув радужные веки
Чудовища смотри, Чудовища Чудовища!
Мучительной ревности
Пугающие изоляции
Слепнущие капища
И за лесом лес
И кругом стены
Плодоносит сад плодоносит
Ожиданиям гнетущих патологий
Болезненное уединение
И похоть дерущая глотку
О том, что будет лёд
Лёд на скулах и ресницах
И они постигнут
Осунувшись и останутся
Одни
В пугающем отчуждении
Память тёплых дней
И в руках чёрного и синего леса
Лежишь ты голый ты
И звенит слепая ночь
Обгладывают зубы
Страх

Закрытые двери зимы

0

Она милая, льняные волосы и глаза заполночь. Мне не слышно когда я пришла. Вдыхая тёплый плетёный скрип. Тихие поля. И полотняные стены... слагают бликами темноту. Комнаты по стенам кувшинчики белые и зелёные. Тень света упала в ладони. И узоры и орнаменты. Сутулые огоньки засипят, как тускло меж пальцев. Никогда я не была на глиняных спинках... Матовые и в тонком шорохе. Но ты была в устах из выветренных досок трещат парящие сумерки. Плющ звенит на закате на ветвях. И кто-то ушёл...

Я одна утром и на столе белеет тарелка одна. Вернуться в стуке ставен... Бьётся чашка, и молоко разлилось в инеистой листве...

Каталась на лозовом стуле и никто не сказал... ты в белом, ты в чёрном! Она нагая и в ветвях, я видела...

Слёзы. Там тает снег на моховых склонах ты плачешь в блаженном непонимании... Птица летит над слепыми деревьями. Срываются вниз. И не знают, как велики холмы... Она на ладони... Я плачу и никогда ещё не видела святилище в тарелке.

Белеешь в холмах тывсинейчаще. Я в устах видела голые стволы! И губы открыты снегу и ветвям. В краю густых крон... ты проглотила лес.

Она тихо шла в глазах среди полей. Холодные и белые. Однажды дети менялись деревьями. С криками они выбежали на заснеженный пригорок и видели где ни конца ни края нет в старом дупле, среди снулых рек и Её очарования Зима дева музицировала на фисгармонии...

1

Раннеегулкоепрозрачное. Ударит дверь. Но до неё витая щеколда уже не ржавела в стене. Упасть бездыханно спрятанным, в тёмное, из красного кирпича и больше не помнить. В паутине, пыльном птичьем помёте, под моросящим окном.

Я видел, как весь январь коробились и набухали рамы. Шорох, касаясь изумрудной плесенью бумажного убранства. Тогда появились все эти трещинки сухой ветреной травы.

Она так скромна в юдоли синего неба.

Но до них я видел, как птицы вили гнёзда из водорослей моря в длинных дымоходах и улетали.

Рогатый свет цепляется за холодные кроны. Крючочки старели и осунулись разбитые ставнями. И мальчик смотрит в окне, глазеющие решётки, маленький кот на подоконнике. Конёк двоится на крыше.

Ночь, и тени клонятся утру. Скрежет горбатых ставен, косая, а другая бьётся там за стеной когда мы все спали. Там мы ищем дерево по холмам, листья которого не опадают, всегда зелёные родители юности. И потом скоро наступит тот новый день...

Теперь мой лес укрыт плющом и болен омелой.

Белое. Я долго не вставал. Они говорят, парят поля и снег сходит в дюнах. Почему они прячутся...

До того, как мне однажды казалось, что я увижу тебя... ты скоро напишешь сказку.

Я жду утра на улочках вдоль горизонта, на берегу. Море тяжело хрипит и темнота падает. И волны в криках и боли издалека, выбросят большую мёртвую рыбу. Я забрался к ней в рот, мой дом из окон которого текла вода. И я никому никогда не скажу, и день не успеет и не случится.

Когда все они стоны чаек против ветра.

Fonka

КрестоМАТия теомазохизма

Эй, слышишь, Боже, бородатый старец,
направь блик Солнца лысиной к Земле.
Вглядись, внизу — там хилый человечек,
как муравей, корячится во мгле.

Нимб придержи, чтоб на уши не съехал,
стремясь постичь его «идею-фикс».
Один лишь он, но тащит на Голгофу
крест, крепко сбитый в форме буквы «икс».

Но на кресте не призовёт повторно
тебя распять, ...тем более, раз шесть...
В эксгибиционизме, эксплицитно,
заключена его скупая месть.

Но, Боже, пред тобой не на коленях
дерзнул предстать он — теомазохист.
Пюпитр из брусьев двух диагональных
не даст покорно свесить ножки вниз.

Вокруг креста, как «Пояс Ориона»,
цепь обовьёт ещё живую плоть,
Пусть бренно тело, но полей сплетеньем
душа в Х-файлах сохранится хоть.

Нацель интерферометр-детектор
в потоке когерентных Х-лучей,
По фазе модулированных звуком,
услышь негромкий слог его речей:

«Бутылкой Клейна, Бог, свернись развёрткой —
узри в себе, ты сам не без греха...»
К земле и в небо, стрелок двух слиянье —
крест, сбитый в форме русской буквы «Х».

Руся

Петербург

Улицы... Серые и холодные улицы Петербурга. Даже утром они навевают какое-то мрачное настроение, бросающие в раздумья о чём-то грустном и тоскливом. Человеку, бредущему без цели, они кажутся длинными бесконечными линиями, иногда приводящими в тупик, а иногда выводящие к очередной, но по-своему особенной достопримечательности Петербурга. Прохожий!.. остановись и посмотри вокруг, посмотри на всё происходящее вокруг тебя со стороны. Каждую минуту люди куда-то спешат, жестоко наступая на асфальт и жестоко проклиная судьбу за то, что уехал трамвай. В одни часы людей больше, чем в другие, но они всегда куда-то спешат. Суета... Лишь иногда встречаются просто гуляющие, но их меньше, а потому они почти незаметны среди спешащей толпы людей. Дома... Они бездушны, угрюмы и молчаливы. Их окрас от времени потускнел, и оттого они угрюмы. Они бездушны, потому что люди к ним жестоки, они не берегут их, оставляя на стенах воплощения своих бездумных фантазий. А молчаливы, так как почти никто не умеет их слушать... В своей мрачности и серости город всё же прекрасен... И неважно, льёт ли дождь или светит солнце, на улице зима или лето, бродить по Петербургу хорошо всегда. Кто-то находит в этом способ решать свои проблемы, кто-то, гуляя, мечтает о добром и светлом, ну а кто-то бесцельно бродит в поисках своего счастья, возможно даже — и цели жизни.

Счастье

Счастье... Оно где-то рядом или далеко? Или же его вовсе не существует...

Летящие снежинки, мерцающие звёзды на задумчивом тёмно-синем небе, тёплое и нежное солнышко, капли дождя... Всё это счастье, его нужно только научиться видеть, ощущать и понимать. Мы счастливы тогда, когда сами этого желаем...

Летящие снежинки опускались всё ниже и ниже, она стояла у окна и смотрела на них, как зачарованная, снежинки падали и падали вниз, кружась в морозном воздухе, она не замечала ничего другого вокруг, хотя по дороге мчались машины, люди куда-то спешили... Она была отдана им всей своей душой и всем сердцем. Она умела разговаривать с ними, умела делиться с ними своими мечтами, они слушали её, не перебивая, давая высказать всё, она смотрела на них, и глаза её сияли, блестели от счастья. Они словно маленькие человечки, такие забавные и лёгкие, без лишних слов и резких движений, они не нарушали её покой, они просто дарили ей радость и счастье, а она просто принимала это, она видела, ощущала и понимала это счастье... Она поняла это однажды, когда было очень грустно и она тупо уставилась на летящий снег, который казался ей таким противным, холодным, мерзким, но, засмотревшись на него, она начала мечтать, она следила за полётом снежинок и невольно начала улыбаться, радоваться и видеть счастье в этом полёте...

Мне жить дано, и в этом счастье,
Смотреть вокруг и созерцать,
И, несмотря на все ненастья,
Минуты счастья познавать.

Идти под снегом иль дождём,
Смотреть на звёзды и на небо,
Мы в этом мире так живём,
Не замечаем счастье в этом...

Салливан

Сказка

Жил-был на свете плешивый мальчик. Звали его Гиппоцентавр Мурделиа. И дважды сидел он за деревянным столом в своей комнате, и дважды появлялось у него неистребимое желание, и дважды пропадало. И лишь однажды явился к нему свирлепый мондросток.

«Кто ты?» — спросил его Гиппоцентавр Мурделиа.

«Я — кот морской, — отвечал без тени сомнения пришелец, — что в переводе с латыни означает сайиз таппиз».

«Так ты поцей!» — полувосторженно всхлипнул Гиппоцентавр Мурделиа.

«Не копасыной назван Золотоголенчик», — молвил кот морской и исчез.

Вскоре Гиппоцентавр Мурделиа подрос, но волосяным покровом не обзавёлся, а тот ворс на затылке, что он имел, никак нельзя было назвать волосяным покровом. В ящике с чугунными игрушками он обнаружил компас, и сей предмет показался ему забавным. И Гиппоцентавр Мурделиа пошёл к дядюшке Карпу, чтобы узнать предназначение, смысл и место в жизни — и всё это о компасе. Дядюшка Карп был старый фильбустир и знал толк во всех шкодных и смачных вещичках, и он обратил внимание Гиппоцентавра Мурделиа на удивительную стрелку, которая стоит и будет стоять сторчмя, как сам компас ни верти. И дядюшка Карп помыслил о том, что эта стрелка указывает путь к сокровищам, которые находятся далеко, очень далеко, и наверняка ещё дальше. Огоньчик в сердечке Гиппоцентавра Мурделиа был маленький, как, впрочем, и само сердечко, но, зная толк в задорах и копасынах, решился он на божаволю и стал готовиться к походу за богатством.

«Чтобы Гржымала не запершхалила, во что бы то ни стало надобно сокровища отыскати», — так смаковал Гиппоцентавр Мурделиа.

И он, гладя коржбок, повернул на север, где жил господин Месяц-Затаённый. И хотя шёл дождь и капли были размером с кулак, он шёл, не меняя направления, смакуя и обмалывая всё вокруг, долго ли, коротко ли, однако же вскоре Гиппоцентавр Мурделиа дошёл до чащи, откуда доносился посвист кур, лист и других свирепых и сторошных зверей. Деревья очень близко росли друг к другу, и неба не было видно через листву, и вышел из-за кустов бородатый козлерог. Гиппоцентавр Мурделиа вначале испугался, ибо видел он козлерога впервые, затем удивился, ибо видел он козлерога впервые, а после рассмеялся, ибо видел он козлерога впервые. Чудно, страшный шестиногий зверь блеет, как ягнёнок. Ухнул на него Гиппоцентавр Мурделиа, и побежал козлерог, и смачно было ему бежать. А Гиппоцентавр Мурделиа, возрадовавшись своей слеповронной победе, отправился далее, минуя заторы и крамбовальцы инущие.

Когда белыня божаволила на лопоте, господин Месяц-Затаённый, оправдывая в обитателях флоры и фауны имидж старого свирлепого морского добуина, которого боялся сам Овцебык Задунайский, спустил на зелёную воду озера свою лодку, склёпанную из старых боевых тазов, и, именуя её, как называл, стал плавать по воде из стороны в сторону, как полагается, с перерывами на обед, а на обед господин Месяц-Затаённый предпочитал бутерброды

с яичным желтком. Гиппоцентавр Мурделиа дошкандылял до озера и двинулся к плавучему дому господина Месяц-Затаённого, неся на вытянутых руках компас и лупоглазя зенками по округе. Он нашёл дом господина Месяц-Затаённого, но у того был обед, а когда он обедал, то не обращал внимание ни на что першхляющее вокруг, а молча поглощал свежий-пресвежий яичный желток.

Доев свои смачные бутерброды, он пристально посмотрел Гиппоцентавру Мурделиа прямо в лоб. Смачно сглютнул тогда Гиппоцентавр Мурделиа и вздохнул, и ответом ему было смачное сопение, какое издавал обычно господин Месяц-Затаённый, когда посещал его душу колодын, а было это весьма часто. Наконец господин Месяц-Затаённый обрёл дар речи и поинтересовался, с какой целью прибыл к нему скудоумный человечек, Гиппоцентавром называющийся. И пискнул что-то в ответ Гиппоцентавр Мурделиа, не потрудившись как следует разобраться в движении глаз господина Месяц-Затаённого, в движении его рук, в движении его ног и тазобедренной части. И пока тот совершал свою священную гимнастику, осмелел плешивый мальчик и поспешил прервать священнодействия господина Месяц-Затаённого чудовищным хрипом, неравномерно вырывающимся из глотки Гиппоцентавра Мурделиа и смущавшим другие голоса природы, пребывающие в состоянии душевного равновесия и не видящие ужасов мира, их окружающего. Побагровело тотчас же лико господина Месяц-Затаённого, и пронзительно заклекотал он, призывая на помощь к себе всю силу своего лимитрофного рассудка. И, испугавшись собственной дерзости, кинулся Гиппоцентавр Мурделиа в воды синего озера и пытался скрыться он, но тщетно, ибо огромная волна настигла его и поглотила почти целиком его высохшее на длительных переходах тельце. И шум волн заглушал смех господина Месяц-Затаённого, который зубоскалил впервые за 98 лет из своих 56. И был выброшен на брег Гиппоцентавр Мурделиа, и, очнувшись, едва ли мог он соображать своей скудоумной головкой, и видел он ясно лишь одно, что он сидит сторчмя, и смачно было ему сидеть. Поднявшись, Гиппоцентавр Мурделиа понуровато побрёл вдаль, надеясь на шлотью, и вдали набрёл на старую потоптунью, зелёную, как морль. Прицепившись потоптунье на хвост, он достиг противоположного брега моря. И, перепрыгнув чрез баску, пошкандылял Гиппоцентавр Мурделиа далее и ещё дальше, варганясь и копасыня майскими узлами, которые волить мог. Достигнув дома, он остановился на покой, имея компас с чудодейственной стрелкой, дичась людей, и так завершил своё путешествие.

Торжественный внос тела в театр

Зрительный зал бурлил. Начало спектакля откладывалось. Некоторые зрители в отчаянии рвали программки или нервно сжимали и разжимали бинокли. Когда же погас свет и люди сосредоточили своё внимание на сцене, в проходе между задними рядами раздался грохот, за которым последовал отборный мат. Некоторые из зрителей повернули головы на шум и в скудном луче света, проникающем в зрительный зал со сцены, увидели четверых мужиков, которые пытались протащить между сидящими гроб. Наперерез им кинулась билетёрша:

— Куда? Не пущу с гробом! Ишь, чего надумали! С гробом не положено!

Мужики поставили гроб вертикально и начали спорить с билетёршей, привлекая внимание публики. Спор принимал затяжной характер. Билетёрша не уступала ни в чём, а мужики, особенно бородатый, а бородатый у них, видимо, был главный, стояли на своём: мол, они должны пронести гроб, и всё тут. Зрителей постепенно начинало интересовать не то, что творится на сцене, а то, что происходит у них за спиной.

— Да дайте же им пройти, куда им нужно, — рявкнул, потеряв терпение, один из зрителей.

— Вот-вот, — поддержал его бородатый. — За нас уже зал, видите?

Но билетёрша ничего не видела.

— Ничего я не вижу, — подтвердила она. — Ишь, придумали чего: с мертвецами по театрам ходить! Изуверы.

— Да он же безвредный, — сказал плешивый мужичок, который поддерживал гроб рукой. — Смотрите, — он открыл крышку, и зрителям предстал покойник с открытым ртом.

— Проголодался малёк, — ласково сказал плешивый и, выхватив откуда-то пучок сена, сунул его покойнику в рот.

Мертвец оживлённо заработал челюстями. Некоторые из зрителей, главным образом дамы, попадали с сидений в лёгком обмороке. Теперь уже даже актёры забыли, зачем здесь собрались: внимание всех было направлено на гроб. Мертвец проглотил сено и снова открыл рот.

— Хватит, — сказал плешивый и захлопнул крышку. — Видите? Никакой опасности.

Но билетёрша уже была в глубоком обмороке. Зрительный зал аплодировал. Воспользовавшись замешательством, мужики подхватили гроб и понесли к другому выходу.

— Родимые, — запричитала какая-то старушка. — Да что же вы его носите? Захоронили бы...

— Работа такая, мать! — ответил бородатый и прикрикнул на помощников: — Эй, вправо берём, а то, неровен час, уроним...

Самурай

* * *

Акварельные краски и мел.
Иллюзии плен. Или
Иллюзия плена?
Мы, наверное, в чьей-то власти
До сто одиннадцатого колена...
Роль Поднебесной —
В полёте десяти живых стрел
Сквозь пространство и время
В сердца убиенных
Богов.
Я ни в чём уже не уверен,
Кроме того,
Что хорошо писал Мариенгоф —
О дружбе.
А Маяковский — про любовь.
Госпожа Кибела!
До чего могут довести
Акварельные краски в умелой
Руке.

А небеса ясны!

(змеиный сссстих)

А небеса ясны, сны...
А с ними я усну, ну-с...
Не остаться бы снова во снах,
станется...
Станции тянутся в танцах...
Расстанемся?
Растянемся дымом по станциям,
с ними танцуя?
Я лист листаю за листом.
«Постой!» — стучат колёса...
«Отставить!» — эхом в небесах...
Леса...
Исколесим и ускользнём
куда-то ввысь,
и где-то снизу всё оставим,
что сбылось и не сбылось,
что снилось и не снилось...
А небеса ясны...
А с ними я...
Сны...

* * *

А помнишь, Солнце, как Вийон стоял на плахе
Трижды?
Как издыхал Христос, и как играл на дудке
Кришна?
Как чувствовал себя, детей своих кляня, Все-
Вышний?..
Ты помнишь?

— Нет...

Полна таких мгновений жизнь в скитаньях
Извечных Солнца в самолюбованье.

* * *

Бросая в костёр горсть революций,
Взгляд его был задумчив.
Лучшее топливо подходило к концу,
Пора было искать альтернативное горючее.

* * *

В пустоту все слова и предчувствия.
Просто так, безмолвными ликами
Скользкие крыши мне ухмыляются,
Умиляются криками тихими,
Рвущими плоть изнутри,
Аж искрится.
Хочется,
Ночью мне красной икры
С ананасами.
Где ты, сказка моя?
Так и состариться не́долго.
Не́ дали выпивки
Глоток
Вовремя.
Ломка,
Наверно, алкогольная?
Поеду путями окольными
В центр Вселенский, там город Бога,
Говорят, открыли —
На миллиарды ли,
В n-ой степени.
Подойду к вратам, постучу
Вежливо, да «Эй, там?!» покричу,
Но что я, крошечный, перед дверками
С пару систем Солнечных?
Посижу, подожду веков несколько,
Пока весело станет мне резко.
А потом и ворота откроются,
Выйдет бог, в виде маленькой девочки,
И тихонько так мне улыбнётся,
Ну а в сердце проникнет весточка,
О любви.

* * *

Держась за руки, по шоссе
Идём по встречной полосе.

Шагаем поступью упругой
Мы — в вечном поиске друг друга.

* * *

Моя романтика
Сидеть на кровати,
напротив окна
облокотившись спиной
о стену,
держать в руках «Избранное»
Вознесенского,
а рядом гитару,
укрыться тёплым одеялом
и слушать Лед Зеппелин.
Ещё, сегодня должно быть воскресение,
потому что сегодня моё Воскресение.
Но и среда тоже подойдёт.
Кстати, скоро Новый год.
А на столе остывает чай
чёрный
сладкий
с лимоном.
Кажется, ради присутствия рифмы
заиграла «Immigrant Song»,
раньше не слышал, мне нравится.
Есть девушка, которая мне очень нравится.
Привет Тебе! тебе-тебе, в Тибет поехали?
Просто так.
Так просто радоваться,
хорошо, если я тоже тебя чем-то радую.
Вот и вся правда. А ещё
Звёзды — это салют, просто мы слишком быстро живём.

Мысли

Мысль изречённая есть ложь.
Тютчев

«Мысль изречённая есть ложь» —
Так чувствую, когда пишу любые строки.
Что проку
подбирать ключи похожие,
Коль с двух сторон замки совсем иные?
А скажешь слово — как сопрёшь,
Соврёшь, как врал и врёшь поныне.
Страшней всего, что эта ложь
И есть та правда, что для нас святыня.
Блатными жестами вознесена,
окутана клубами никотина.
Порождена, искажена, обнажена,
А после сброшена куда-то вниз
с карниза.
И снова, снова рождена,
Как вечный феникс огнекожий,
Себя сжигающий дотла.
И всё же...

О Дожде

Дождинка, другая —
Дождь.
Наблюдаю падение капель
Из комнаты, через окно...
А каждая капля, как каждая
Жизнь
Человека,
Несётся,
И вот уж забыта
Навеки.
Я меряю ярды.
Несёт миллиарды
Дождинок куда-то
Слепая Судьба.
Кто раньше взлетает,
Тот падает раньше
Хотя...
Хотя не всегда.
А в воздухе тают...
Как радостно тают,
Как горестно,
сладостно тают
Года...
Из комнаты через окно
Наблюдают...
За мной
И другими.
Мы капли,
Как странно,
Как быстро проносимся
Мимо.
Взглянуть бы мне в это окно.
Успеть бы мне спеть.

* * *

Отвори мне дверцу
Ласкового сердца.
Покажи дорогу
В небеса.
И сними тревогу,
Мне позволь поверить,
Искренне поверить —
В чудеса.

Путешествие за Край Света

Я искал удивительный цветок.
На нём семь или восемь лепестков,
которые
Переливаются красками и
Игриво укрывают друг друга.
Я никогда его не видел,
Но видел похожие.
Каждый раз моё сердце радуется,
Каждый раз — печалится.
По ту сторону мира, (теперь я знаю) —
Он есть.
Осталось только пересечь
Мост-радугу между нами.

* * *

Радуга, гадаю я, куда ты меня приведёшь.
Знаю... там страна — тараном её не возьмёшь...

Там веет северный ветер.
Там тьма — но для тех, кто не светел.
Моя синяя птица
Родом оттуда,
Откуда у Будды
Слеза на ресницах.

Чешет за ухом Чеширский кот, улыбается мне.
Миг — и прыгнет вдруг, укрывшись в моём портмоне.

Там веет северный ветер
Там тьма — но для тех, кто не светел.
Моя синяя птица
Родом оттуда,
Откуда у Будды
Слеза на ресницах.

Моя синяя птица
Родом оттуда,
Где когда-то я буду
По концу вереницы...

* * *

Сейчас мне нечего сказать в стихах
(Должно быть, это временно-последний).
Сейчас — немного понести в руках
Мне Солнце хочется в закате летнем.

И птицей налетаться в облаках,
А ночью, среди звёзд — летучей мышью...
И чуточку побегать на ушах,
Нагим нырнуть в предутреннюю тишь.

Мечтать, искать, любить и смело ждать,
Что выкинет Рулетка мне навстречу,
Какие попадутся города
На том пути, что называют вечным.

И, может, позже, в беззаботный вечер,
Надев священную епитрахиль,
Я в небо, вскинув голову за плечи,
Начну глядеть и вслух читать стихи.

* * *

Скажи мне, милая, как мне тебя узнать?
Не пропустить твой взгляд
среди пустой толпы...

Ведь иногда бывает нелегко понять
ответ Плеяд
на глас немой мольбы.

* * *

Сказал имя, обрёк имя на смерть, —
Мудрость, лишающая границ.
Есть слово любовь, но какое
Отношение оно имеет к любви?
Не хочу прятаться за словами,
Где гарантия, что король окажется
Не голым? Рано или поздно.
Нарочно или случайно.
Чувства не имеют слов.
Пока слова не научаться плакать
И смеяться, или и плакать,
И смеяться в одночасье, —
Чувства не научатся говорить.
Я дарю тебе этот закат
Над рекой, и движение облака
На гребне вечерней волны.

Сонет

1

Я брёл вперёд, смотря перед собой,
Как будто убегая из Гоморры.
И отзвук смерти громовой трубой
Преследовал меня до брега моря.

Омыв одежды пыльные и ноги,
Я поднял взгляд и был освобождён —
Сожжён, и сызнова собой рождён
За тонкой гранью бренного порога.

Я потерял всё то, что я имел.
И получил всё то, о чём посмел
Помыслить в сердце, в вечности сгорая.

И где-то здесь обрёл я свой покой
За радуги священною дугой,
В мирах погибших семена бросая.

Стоишь на кровати, пружинишь...

Стоишь на кровати,
Пружинишь, готовясь к прыжку
в небо.
Окунуться бы!
Солнце закатное
златом в огне —
в окне отражение —
чьей-то души,
наверное.
Дыши,
дыши,
дожить бы
жизнь до конца
бесконечности.
Голубем весть принести себе,
в поле бы кречетом,
да над борами сосновыми,
новыми крыльями, старыми песнями,
снежным бураном кружить
и снежинкою
каждою
жить,
жить,
шить-вышивать
Жизни узоры, и сладко бы
спать по ночам,
звёздною музыкой быть
убаюканным
в люльке вселенной,
младенцем с глазами
вечности.

Футуристическое

Перевернающих пёрышек слишком много в моей головешечке...
Перевернающих пёрышек —
Слишком много — в ней...
Перевернающих пёрышек слишком много, перевернающих,
Пёрышек — СЛИШКОМ перевернающих!
Пёрышек...
Перевернающих...
Нет...

Обними меня, Первозда Майтерья, спустя гока, мне этого так не хватает...

* * *

Холодное
светлое
нежное сердце
Лежит на дороге.
Всего лишь осколок чьего-то следа?
Или подарок (усмешка?) Бога?

* * *

Чёрные птицы перед глазами,
Чёрное небо над головой.
Мне ли не ведать, что будет с нами?
Но, ангел смерти, пока я не твой.

Чёрное облако бешеной пыли,
Стук ожиревших от лени колёс.
Верой служили, дорогу забыли
Те, кто услышал твой глас, Алконост.

Море в молчании, берег бушует.
Птица — велит, а люди — клюют.
Кажется мне, что я просто шулер:
Вроде, в игре, а на деле — плюю.

Больше уюта не будет. От края
Путь свой держу до невечных дорог.
В сотый и в тысячный раз умирая,
Чист пред тобою, мой ангел и бог.

Чёрные птицы перед глазами,
Чёрное небо над головой.
Что ни присниться только ночами
С полной, таинственной, зимней луной.

* * *

Я не вписываюсь в то, что мне близко,
И не соответствую тем, кто мне дорог.
Мой путь — это тысяча дорог
По большому кругу.
Позволь мне проснуться, похоже, что я задремал.
Я заснул и попал туда, откуда не возвращаются.
Мне Мона Лиза показала свой правдивый оскал.
Я заплакал, но вышло слишком похоже на смех.
Я пел песни Ваджрасаттвы, но счастья что-то нет до сих пор.
Я стрелял в упор, о да, я стрелял в упор!
Только как ни стрелял, пуля застревала в стволе.
О, дайте мне ниток моток да отравы глоток —
Я попробую вышить себе новую жизнь, а из старой уйти, как змея.
Но мне нужна поддержка на этом пути,
где Ты, Девушка, Что Любишь, Смеясь?
Я попробую вышить себе новую жизнь, а из старой уйти, словно вор.
Мне нужна поддержка на этом пути,
где ты, девушка, что метишь в упор?

* * *

Я хочу говорить акварельными красками,
Я хочу говорить акварельными...
Я хочу говорить не словами-масками,
Не хочу быть кустом обрезанным.

Лучше тополем. Тополем диким. Напрасно ли
Говорю всё какие-то бредни?
Я хочу, чтоб мы были — цветные, разные.
Одинаковы мы после смерти.

Или, может, ещё — под прослойкой грязевой.
Вот, опять Башлачёв, на месте.
К чёрту всё! Ну! Давайте быть странными!
Пусть Богам, коли есть, будет весело.

Среди улиц привычных, пресных отплясывать
И справлять нашей жизни мессу.
Говорить не словами — акварельными красками.
Вот и будем друг с другом честными.